

Ирина ГЕРАСИМОВА (Санкт-Петербург)

УКРАИНСКО-БЕЛОРУССКИЕ НОТНОЛИНЕЙНЫЕ ИРМОЛОГИОНЫ В СИСТЕМЕ РУССКИХ ПЕВЧЕСКИХ КНИГ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XVII — XVIII ВЕК)

Ирмологионом, или Ирмоломом, называется единственная певческая нотнотлинейная книга, употреблявшаяся в богослужении православной и униатской Церкви на территории Украины в XVII–XVIII веках. После присоединения в 1654 году левобережной части Украины к Московскому царству напевы Ирмологиона через киевских *вспеваков* стали постепенно проникать в богослуженное пение русских земель. Кроме того, победная военная компания русского царя Алексея Михайловича против Речи Посполитой, завершившаяся осадой Вильны в августе 1655 года, сопровождалась вывозом трофейных вещей, в том числе и книг, из церквей и монастырей захваченных городов на русские земли. Эти книги также могли способствовать знакомству клириков Московского царства с особенностями церковно-певческой культуры их соседей. Одной из первых книг, привезенных в Россию, была рукопись из Оршанского повета Витебского воеводства, принадлежавшая затем патриарху Никону, оставившему на ней в 1657 году свой автограф: «Ирмологий напелу киевсаго и болгарсаго»¹. Другой Ирмологион, вывезенный из виленского униатского Свято-Троицкого монастыря, в 1663 году поступил в Свято-Никольский Амвросиев Дудин монастырь, располагавшийся на берегу реки Оки недалеко от Нижнего Новгорода². Начиная с 70-х годов XVII века, такого типа ирмологионы уже создаются и на землях Московского государства.

Украинские и белорусские ирмологионы, в том числе и создаваемые в России, были собраны и описаны Ю. Ясиновским в фундаментальном каталоге³, благодаря которому мы можем представить ирмологичную традицию как единое целое. Всего на данный момент выявлено около 30 таких рукописей, созданных в России. Предметом специального исследования они пока не становились, а между тем уже сам факт их появления в Московском государстве вызывает много вопросов. Кому были нужны ирмологионы вне их традиционной среды употребления? Каким образом ими пользовались в православном богослужении Российского государства, учитывая то, что в

церковном пении Московского царства и в украинско-белорусской практике существовали разные редакции богослужебных текстов? Зачем переписывали ирмологионы в России? К традиции каких земель они относятся: белорусских, украинских, русских — или данные книги представляют собой особое явление? Насколько русская церковно-певческая среда повлияла на структуру и содержание таких ирмологионов?

Данная статья является первой попыткой найти ответы на некоторые из поставленных вопросов и определить место ирмологионов в музыкальной культуре Московского государства последней трети XVII — XVIII веков. Проследим процесс постепенного вхождения певческой книги Ирмологион в систему русских певческих книг, а его напевов — в русскую богослужебную практику.

Адаптация ирмологионов на Руси имеет свою динамику. Если в последней трети XVII века происходит знакомство русской церковно-певческой среды с этими рукописями, то в XVIII веке ирмологионы уже постепенно входят в систему русских певческих книг. Завершением этого процесса служит исправление текстов Ирмологиона в соответствии с общепринятой в русском богослужении редакцией.

Большинство рукописей, созданных в России в последней трети XVII века, вероятно, были написаны выходцами из белорусских или украинских земель, осевшими в монастырях и крупных певческих центрах Московского царства. Два ирмология были созданы в 70-е годы в Савво-Сторожевском монастыре⁴. Писцом одного из них явился Гаврило Аранесович, постриженник черниговского Троице-Ильинского монастыря. В 1680 году в государевых палатах Кремля Андрейко Михайлов и Потапко Максимов закончили писать еще одну рукопись, а в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре над созданием Ирмологиона в 1689 году трудился Афанасий Суховой⁵. В Архангельском соборе Кремля и в Андреевском селе Коломенского уезда под Москвой также бытовали переписанные в России ирмологионы⁶. Среди привезенных в это время до нашего времени сохранились книги, находившиеся, судя по вкладным записям, в Чудовом и Иверском монастырях⁷.

Ирмологионы последней трети XVII века, написанные в России, уже содержали некоторые отличия от книг, созданных в более давней традиции. Хотя по структуре они не отличались от традиционных украинско-белорусских ирмологионов, однако обязательно включали в книгу, в качестве альтернативных киевским, напевы из московских земель («московский», «тверской», «иверский»). Для выявления отличий в составе служб, а также наличия никоновской редакции текста в ирмологионах необходимо проведение

¹ ГИМ, Син. певч. 1368, л. 2–8.

² ГИМ, Син. певч. 32.

³ Ю. Ясиновський. *Українські та білоруські нотолінійні Ірмолої 16–18 століть*: Каталог і кодикологічно-палеографічне дослідження. Львів 1996.

⁴ ГИМ, Син. певч. 172; ГИМ, Син. певч. 890.

⁵ РГБ, Муз. 7753; ГИМ, Син. певч. 1379.

⁶ РНБ, Солов. 622/676; РНБ, Кап. Q 36.

⁷ РГБ, ф. 218, пост. 1969, 5/5; РНБ, Кап. Q 13.

специального сравнительного исследования традиционных и написанных в России книг. Отдельные наблюдения сделал Ю. Ясиновский, описывая Ирмологион, принадлежавший дьяку Архангельского собора Московского кремля. Он отметил наличие «церковнославянского текста» в песнопении «Да исправится молитва моя» и в каноне на Пасху греческого напева⁸. Анализируя песнопения двенадцатых праздников «Рождеству Христову» и «На Въехане» («Вход Господень в Иерусалим»), автор этой статьи отметила необычный для ирмологиев состав рождественской службы в бытовавшей в Коломенском уезде книге, тяготеющей по своей полноте к древнерусским стихирарям, а также имеющий в музыкальном тексте древнерусскую редакцию знаменного распева⁹.

В русском богослужении принципиально изменилась функция ирмологионов: они использовались только в качестве источника мелодий киевского пения. Слова песнопений этих книг были непригодными для употребления в Русской Православной Церкви, поскольку содержали дониконовскую редакцию текста. Об этом написал на титульном листе в конце XVII века переписчик Иверского ирмологиона: «Сия книга Ирмологион нотнаго пения древле бяше потребна, ныне же не к тому, но яко искажена мнится быти во гласехъ и неисправлена в реченияхъ есть»¹⁰. Для использования в богослужении русские певцы были вынуждены исправлять тексты песнопений. С исправленными текстами песнопения Ирмологиона фиксируются в это время в крюковых обиходах. Прежде всего, клириками были освоены песнопения Всенощного бдения, Литургии и отдельные каноны Октоиха.

Одной из ранних выявленных мной книг, содержащих исправленные образцы «киевского роспева», является Обиход, написанный в 1680 году¹¹. Он включает песнопения Всенощного бдения и Литургии киевского напева, что получило отражение в ремарках: «Славословие великое киевскимъ роспевомъ», «киевская» «Единородный Сыне», «Достойно киевское малое»¹². Раздел Божественной Литургии имеет самоназвание, куда входит и характеристика его напевов: «Начало Божественныя Литургии... напеву греческаго и киевскаго согласия»¹³. Кроме этого, рукопись содержит 11 Херувимских песней, как одноголосных, так и многоголосных, гармонизированных в стиле партесной

⁸ Ю. Ясиновський. *Українські та білоруські нотолінійні Ирмології*, с. 236.

⁹ І. В. Базылева (Герасимова). *Песнапенні «На Веханне» (Ўваход Гасподзень ва Іерусалім) у беларускіх і ўкраінскіх Ирмологиях і рускіх спеўных кнігах XVI–XVIII стагоддзяў // Матэрыялы IX чтенняў, посвяценых памяці Л. С. Мухарінскай*. Мінск 2001, с. 68; ее же. *Певческие книги Великого княжества Литовского: Дипломная работа / Санкт-Петербургская консерватория*. Санкт-Петербург 2003, с. 47, 49.

¹⁰ РНБ, Кап. Q 13.

¹¹ РНБ, Q 243.

¹² РНБ, Q 243, л. 21–24 об., л. 27 об., л. 48 об.

¹³ Там же, л. 25 об.

обработки. Рукопись фиксирует такие ирмологические напевы Херувимских, как «виллинская», «болгорская херувимская» и «скитская преводь»¹⁴.

Другая рукопись включает несколько певческих книг, написанных на бумаге разного времени и разного качества, сшитых в один сборник¹⁵. Раздел Обихода датируется на основании многолетий русскому царю 90-ми годами XVII века¹⁶. На титульном листе обиходного раздела указано, что рукопись содержит Всенощное бдение и Божественную Литургию «киевского напелу»¹⁷. При этом «киевский напел» на титульном листе понимается в широком смысле, как киевское пение. Разделы Всенощного бдения и Литургии включают большое количество напевов на один текст, в том числе и собственно «киевского напелу». Ремаркой «киевская» отмечены песнопения «Единородный Сыне», Херувимская песнь, «Отца и Сына», «Достойно есть», «Видехом свет истинный»¹⁸. Название «киевский напел» помещено перед полиелеем «Хвалите имя Господне» и ирмосами «Отверзу уста моя», а кондак «Взбранной воеводе» отмечен как «старой перевод: киевского же напелу»¹⁹. Кроме «киевского», в рукописи присутствуют песнопения болгарского и греческого напевов: «Херувимская. Песнь болгарская: пут», «греческая» «Достойно есть», стихиры на «Господи воззвах» имеют название «Воззвахи греческаго напелу», кондак «Взбранной воеводе» предваряет ремарка «греческим роспевомъ: жуковской перевод»²⁰. При этом по отношению к греческому напеву употребляются как термин «напел», так и «роспев». Среди ирмологических напевов «Херувимской песни», помимо вышеперечисленных, встречается «смоленская» и «виленская» в одноголосном варианте²¹. К обиходному разделу примыкает канон Благовещению «Отверзу уста моя» под названием «катавасия киевского напелу»²². После обиходного раздела в рукопись вклеены несколько листов двенадцатого праздника Пятидесятницы, в которой песнопение «Царю небесный» болгарского напева помещено с ремаркой «киевский»²³. Другие разделы сборника, содержащие Стихирарь, Постную и Цветную триоди, имеют типичные для древнерусских книг состав и музыкальное содержание песнопений и не имеют отношения к ирмологическим напевам.

Таким образом, ирмологионы, бытовавшие на московских землях, и русские обиходы конца XVII века демонстрируют процесс взаимопроникновения двух церковно-певческих традиций. В ирмологионах последней трети

¹⁴ Там же, л. 34 об.–36 об., л. 39–40, л. 43–44.

¹⁵ РНБ, Соф. 1538.

¹⁶ Там же, л. 27 об.–28.

¹⁷ Там же, л. 1.

¹⁸ Там же, л. 3 об.–4, л. 9–11, л. 23 об., л. 26–26 об., л. 26 об.–27.

¹⁹ Там же, л. 67–68, л. 83–87 об., л. 80–80 об.

²⁰ Там же, л. 5 об.–8, л. 25 об.–26, л. 63–65, л. 79 об.

²¹ РНБ, Соф. 1538, л. 15–16, л. 17–18 об.

²² Там же, л. 83–87 об.

²³ Там же, л. 95–95 об.

XVII века влияние русской церковно-певческой традиции выражается во включении в книги отдельных песнопений и напевов из русской певческой практики. Русские же крюковые обиходы, фиксируя взятые из Ирмологиона напевы песнопений, одновременно заимствуют у ирмологионов их терминологический и справочный аппараты. При этом в обиходах происходит смешение терминов «распев» и «напел»/«напев», которые выступают здесь в качестве взаимозаменяемых понятий. Термин «киевский напел» понимается в широком смысле как «киевское пение», а в узком — как указание на местный «киевский» напев конкретного песнопения. Оставляю в стороне вопрос об исправлении текстов песнопений Ирмологиона и запись его напевов крюковой (а также нотолинейной) нотацией в русских книгах, поскольку это является темой для работы, нуждающейся в изучении репертуара и терминологии большого количества обиходов последней трети XVII века и текстологическом анализе записанных в них ирмологийных песнопений.

В первой половине XVIII века ирмологионы продолжают переписываться на территории Российского государства, а его напевы: киевский, болгарский, греческий и местные варианты отдельных песнопений — прочно входят в русскую певческую практику.

Сохранившиеся на листах ирмологионов первой половины XVIII века записи позволяют выявить некоторые из созданных в России книг. Два ирмологиона были написаны в Санкт-Петербурге, по одному в Смоленске и Твери, один экземпляр точно локализовать не удалось²⁴. Все ирмологионы, за исключением одного, имеют заголовок «Ирмологий» («Ермологий»), что свидетельствует о попытке включения этих рукописей в русскую систему певческих книг. Смоленский, Тверской ирмологионы и Санкт-Петербургский 1725 года по структуре и репертуару не обнаружили отличий от традиционных книг украинско-белорусской традиции. Однако анализ терминологии и музыкальных текстов Санкт-Петербургской рукописи 1725 года, написанной Иоанном Поповским, позволил выявить в ней следы влияния русской певческой культуры. Это выразилось, прежде всего, в смешении терминов «напев» и «распев». Кроме этого, песнопения раздела Всенощного бдения и Литургии «киевского распева» содержат никоновскую редакцию текста, распространенную еще в русских обиходах конца XVII века.²⁵ Включение обиходных песнопений с никоновским текстом, вероятно, было продиктовано желанием регента Придворной певческой капеллы Иоанна Поповского использовать эти произведения в исполнительской практике. В Ирмологионе 20–30 гг. XVIII века, принадлежавшем певчому Дмитрию Котелевскому, выделяются в репертуаре «великороссийская» Литургия преждеосвященных даров, а также ирмосы «на Полтавскую победу»²⁶.

²⁴ РГБ, Костр. 173; РНБ, Ф. I. 863; РНБ, ОЛДП Q 724; ГИМ, Син. певч. 13; Uppsala, Slav. 14.

²⁵ РНБ, Ф. I. 863, л. 2–9 об.

²⁶ См. подробнее: Ю. Ясиновський. *Українські та білоруські нотолінійні Ирмології*, с. 292.

Ирмологион, хранящийся в библиотеке Упсальского университета в Швеции, написанный в первой половине века, представляет собой яркий образец книги, впитавшей в себя черты русской церковно-певческой культуры конца XVII — XVIII веков²⁷. В научный оборот данная книга вводится впервые. Исходя из своих знаний и певческого опыта, полученных в Московском государстве, ее писец посмотрел на пение киевских земель с позиций своей культуры. Рассмотрим эту рукопись.

Собрание славянских рукописей, среди которых находится данный Ирмологион, было передано университетской библиотеке в 20-х годах XVIII века шведским придворным церемониймейстером и выдающимся филологом того времени Юханом Габриэлем Спарвенфельдом. Он был поклонником «славянского» языка и культуры и коллекционировал русские книги различного содержания. Ирмологион из собрания славянских рукописей мог быть, таким образом, написан не позднее конца 10-х годов XVIII века.

Сама книга содержит 554 листа, однако она отличается небольшим форматом — в восьмерку. Оформление этой книги примыкает к древнерусской традиции XVII века, на что указывает вязь золотом и киноварью. В стиле древнерусской книжности выполнены заставки и миниатюры с изображениями святых и праздников. На л. 5 Ирмологиона имеется запись латинскими буквами о создателе книги: «Sei ermologi ili alexeeva s[y]ne migulina. A pisal on sam svoeu rusou» («сей Ирмологи Ильи Алексева сыне Мигулина. А писал он сам своєю рукою»). Несмотря на то, что Илья Алексеевич свою книгу назвал «Ирмологий», она представляет собой стандартный Ирмологион жанрово-тематической структуры по типологии Ю. Ясиновского²⁸. Кроме того, книга содержит тексты дониконовской редакции.

Кто такой был Илья Мигулин, пока выяснить не удалось, однако, без сомнения, это был большой любитель киевского пения, о чем свидетельствует название одного из разделов: «Литоргия. Златого киевскаго напева»²⁹. Описание книги показало, что этот Ирмологион Илья Алексеевич задумал с целью собрания всего крута киевского пения. Об этом свидетельствует и само заглавие книги: «Сия книга глаголемая Ермологи нотному киевскому пению...»³⁰. Замечу, что для обозначения киевского пения он использует слово «напев» (лишь в одном случае писец употребляет слово «распев»), но не «напел», что было типично для традиционных ирмологионов.

В Ирмологионе Мигулина присутствуют два термина, характеризующие ирмологийные напевы, — «киевское пение» и «киевский напев». Эти слова, использованные на титульном листе и в названиях разделов, указывают фиксацию в данной рукописи традиции пения, распространенной на киевских

²⁷ Uppsala, Slav. 14, л. 554 об.

²⁸ Ю. Ясиновський. *Українські та білоруські нотолінійні Ирмології*, с. 89–93.

²⁹ Uppsala, Slav. 14, л. 476.

³⁰ Там же, л. 5.

землях. Термин «киевский напев» имеется в названиях следующих разделов: Всенощного бдения, ирмосов, Божественной Литургии Иоанна Златоуста, Литургии Василия Великого, чина погребения и постного Обихода³¹. Перед разделом ирмосов древнерусской вязью красными чернилами написано: «Начало ирмосам киевским большим на восим гласов»³². Вероятно, в это время в русской культуре существовал и киевский малый напев ирмосов, если понадобилось уточняющая характеристика.

Внутри разделов ремарка «киевский напев» относится уже к конкретному песнопению. Ирмологион Ильи Мигулина включает киевский, болгарский и греческий напевы. Ремарками «киевский напев» отмечено песнопение «Хвалите имя господне», «болгарский напев» — «Бог Господь» и воскресные тропари, «греческий напев» — «Хвалите имя Господне»³³. Кроме этого, рукопись включает кафизму «Блажен муж» острожского напева³⁴. Херувимская песнь имеет 8 напевов: киево-печерский, симоновский большой, и средний, и малый, «на под Богородице верным», смоленский, и два налева без названия; две Херувимские содержат ремарки, написанные латиницей с кириллицей — «вреская сахига» и «Ахин мал нужеской роспев»³⁵. Песнопение «Владычице прими молитвы раб своих» проходит дважды с указаниями «малое» и «большая»³⁶.

Песнопения праздника на Вход Господень в Иерусалим озаглавлены Мигулиным согласно русской богослужебной традиции — «в неделю Вай», вместо привычного для украинских и белорусских Ирмолов названия — «На Въехане»³⁷.

Еще одна несвойственная традиционным ирмолом черта, встречающаяся в данной рукописи и в русских певческих книгах XVIII века, — наличие дизезов. При этом сам характер их использования в книге Ильи Мигулина — маркирование дизезами только отдельных песнопений — отметила и Н. Б. Захарьина как типичный для русских певческих книг³⁸. Отмечу, что дизезы содержал и Ирмологион, написанный в государевых палатах Кремля в 1680 году³⁹. В это же время там работал царским мастером музыкант-теоретик Николай Дилецкий. В своем знаменитом трактате «Идея грамматики мусикийской» Дилецкий в параграфе, посвященном Ирмологиону, критиковал

³¹ Там же, л. 10, л. 122, л. 476, л. 491, л. 501 об., л. 506.

³² Там же, л. 122.

³³ Там же, л. 86–87, л. 64 об., л. 85 об.–86.

³⁴ Там же, л. 12 об.–13 об.

³⁵ Там же, л. 483 об.–485, л. 493 об.–495.

³⁶ Там же, л. 500 об.–501.

³⁷ Там же, л. 464 об.

³⁸ Н. Б. Захарьина. *Русские богослужебные певческие книги XVIII–XIX веков: Синодальная традиция*. Санкт-Петербург 2003, с. 57.

³⁹ РГБ, Муз. 7753.

невежественных писцов, не использующих дизезов. Критика Николая Дилецкого в лице Ильи Мигулина, как и в лице писцов из государевых палат Кремля, нашла своих благодарных слушателей. Возможно, Илья Алексеевич читал трактат Дилецкого «Идея грамматики мусикийской», во множестве списков распространявшийся в Российском государстве с 80-х годов XVII века.

Анализ рукописи Ильи Мигулина показал, что по структуре и, в целом, по напевам она относится к ирмолойной традиции. В то же время ее оформление: заставки, миниатюры, вязь золотом и киноварью, а также терминологический аппарат с использованием слов «напев», «роспев», «Ирмологий», «постный Обиход», «малой», «меньшая», «средняя» и «большая» напевы, наличие дизезов свидетельствуют о том, что данная книга была создана в русской церковно-певческой среде.

Завершающим этапом в процессе адаптации ирмологионов к русской певческой практике стало появление среди них книг, исправленных в соответствии с никоновской редакцией текста. Начиная с середины XVIII века, в Москве и Санкт-Петербурге создается целый ряд таких рукописей. Самый ранний из исправленных ирмолов был написан в 1748 году иеродьяконом Орестом Софрониевым в Санкт-Петербурге. В названии рукописи уже подчеркивалось то, что тексты, содержащиеся в книге, являются исправленными: «Ирмологий или чинное пение по знамению киевскому, а наречию великороссийскому». На титульном листе также сообщается, что книга была написана «Благословением С(вя)тейшего Правительственного Синода члена Преосвященного Арсения Могилянского, архиепископа Переяславл[ь]ского и Дмитровскаго, архимандрита Троице-Сергиевой Лавры, по обещанию своему во Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, в храмъ Живоначальных Троицы...»⁴⁰. Арсений Могилянский, уроженец Полтавской губернии, был выдающимся проповедником и оратором, издал большое количество проповедей, а также составил службу и акафист Димитрию Ростовскому. Архиепископ Арсений, возможно, и явился заказчиком данной работы.

Ирмологион Ореста Софрониева стал образцом, на который ориентировались последующие писцы, создававшие книги в Санкт-Петербурге и Троице-Сергиевой лавре. В 1750 году иеродьякон Леонид Хоцятовский в Санкт-Петербурге создает схожую по структуре и содержанию рукопись, а в 1756 году в Троице-Сергиевой лавре Арсений Компанский создает два экземпляра книги, в основу которых лег Ирмологион Софрониева⁴¹. В 1752 году Гавриил Головня пишет свой Ирмологион «по наречию великороссийскому»⁴². В этих книгах сложился свой круг песнопений, отличающий их от традиционных ирмолов: ирмосы «на Полтавскую победу»,

⁴⁰ РГБ, Тр.-Серг. 456, л. 5.

⁴¹ РГБ, Тр.-Серг. 454; РГБ Тр.-Серг. 457; НБУВ, I 5532.

⁴² НБУВ, ДА П. 251.

невское «Единородный Сыне», жуковское «Достойно есть», Литургия преждеосвященных даров великороссийского напева, а также каноны греческого напева Рождеству Христову и молебный Пресвятой Богородице, взятые из репертуара русских певческих книг.

Книга Ореста Софрониева с исправленным текстом стимулировала и создание новой книги — собственно Ирмология киевского распева. Идея ее создания впервые, вероятно, пришла Леониду Хоцятовскому, поскольку наряду с традиционным типом книги в этом же году он написал «Ирмологий киевского распева», выделив из Ирмологиона раздел ирмосов⁴³. О том, что эта идея оказалась воспринятой в русской церковно-певческой среде, свидетельствуют еще два списка Ирмология киевского распева, хранящихся в собрании Троице-Сергиевой лавры⁴⁴.

Таким образом, как показал анализ ирмологионов, привезенных из Речи Посполитой и бытовавших на московских землях, а также созданных и в Российском государстве в конце XVII — XVIII столетиях, эти рукописи постепенно адаптировались русской певческой практикой и были включены в русскую систему певческих книг XVIII века. Наряду со сборниками партесных концертов, ирмологионы стали органичной частью русской музыкальной церковной культуры XVIII века. Здесь Ирмологион получил новое название — Ирмолог, Ирмологи(й), Ермологий, новую редакцию текста, воспринял русскую церковно-певческую терминологию, пополнился песнопениями из русской певческой практики. А главное, Ирмологион получил новую смысловую нагрузку. Если в православном и униатском богослужении Речи Посполитой он был единственной певческой книгой, аккумулирующей в себе весь необходимый певческий репертуар, то в русской книжной системе он стал репрезентантом круга киевского пения, вобравшего в себя как местные, так и национальные редакции песнопений киевских земель.

Выявление роли ирмологионов в системе русских богослужебных книг стало возможным после появления монографии Н. Б. Захарьиной «Русские богослужебные певческие книги XVIII–XIX веков: синодальная традиция». Представленная в монографии система книг, а также описание содержащихся в каждом типе книги распевов показали, что в русской певческой системе XVIII–XIX веков существовало распределение распевов по певческим книгам. Знаменный распев был представлен книгами — Ирмологий, Обиход, Праздники. Греческий распев, ведший свое начало от грека Мелетия, имел на Руси свой репертуар, отличный от певческой традиции киевских земель. Он был зафиксирован в книге Утрени двенадцатых праздников. Репертуар книг в стиле партесных обработок знаменного и греческого распевов также включал все эти наименования. В русской традиции рукописи чаще всего

⁴³ РГБ, Тр.-Серг. 455.

⁴⁴ РГБ, Тр.-Серг. 459, РГБ, Тр.-Серг. 460.

содержали одну книгу одного распева — Праздники знаменного распева, Утрени двенадцатых праздников греческого распева и т. д. Певческих же книг киевского распева, подобно греческим и знаменным, в русской певческой традиции до второй половины XVIII века не существовало. Отдельные неизменяемые песнопения киевского распева записывались среди других распевов в книге Обиход. Но в русской церковно-певческой среде уже тогда знали Ирмологион — книгу киевского пения, содержащую песнопения разных жанров. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что Ирмологион в русской певческой культуре XVIII века занял свою нишу и выступал в качестве книги киевского распева. Это предположение подкрепляет распространение певческой книги Ирмологион в конце XVII — XVIII веках в Российском государстве.